

УДК-321

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-1-83-93

**«НЕОИДЕНТИТАРНЫЕ МИРЫ» – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И КОНЦЕПТ:
ДИСКУРС И ПРАКТИКА**

С. П. Артеев

Артеев Сергей Павлович, кандидат политических наук, научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.
E-mail: artsp7@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-4335-2850; Research ID: E-9387-2016).

Аннотация

Глубокая трансформация политического мироустройства, переформатирование ключевых акторов и факторов мировой политической системы стали общим местом политологических исследований. В то же время в большинстве случаев внимание уделяется вопросам политического лидерства (центры силы), привычным военно-политическим и экономическим категориям для оценки мощи и перспектив политической эволюции мира. Между тем усиление значимости этнической, религиозной, лингвистической и постимперской идентичностей превращает их в особый, идентитарный политический фактор. Автор формулирует и раскрывает суть концепта «неоидентитарные миры». Цель статьи – концептуализировать понятие «неоидентитарный мир» как пространство и сообщество с доминирующей ролью «старых» «больших идентичностей», получивших политическое наполнение в текущих реалиях. Для этого осуществляется типологизация и определяется место неоидентитарных миров среди других международных акторов. Исследование построено прежде всего на идентитарном подходе и компаративном методе. Концептуализация достигается за счет сопоставительного анализа с уже представленными в научном дискурсе концептами и теориями – от паннационализма и цивилизационного подхода до теории международных отношений. В итоге определяется место концепта «неоидентитарный мир» в предметном поле современных политических исследований, обозначается его онтологический и гносеологический потенциал, функции в политических процессах на разных уровнях, место в политическом контексте.

Ключевые слова: политическое мироустройство; политическое развитие; эволюция; неоидентитарные миры; этномир; идентичность.

Введение

Общемировая социально-политическая ситуация к концу первой четверти XXI в. характеризуется ростом конфликтности и нарастанием кризисных явлений в обществах по всему миру, очевидным сломом старых правил в международном сообществе. В целом продолжается глубокая трансформация, начавшаяся еще в конце 1980-х гг. Окончание холодной войны породило новое качество международных отношений, а процессы глобализации стимулировали появление новых политических факторов и акторов. Более того, в XXI в. наблюдается демонополизация роли государства в некоторых сферах (ЧВК, рынок криптовалют). Вместе с этим этническая, лингвистическая и конфессиональная идентичности, долгое время находившиеся на периферии международной жизни, превратились в политический фактор повсеместно (от глобального правого поворота до революционных протестов в ряде государств бывшего соцлагеря). Одним из феноменов, в основе которого находятся указанные довестфальские идентичности, стали особые идентитарные транснациональные пространства, сообщества, «миры», которые пока не получили в научном дискурсе какого-либо общепринятого обозначения. В качестве зонтичного могло бы выступить понятие «неоидентитарные миры». В связи с этим возникает вопрос: какое место неоидентитарные миры занимают в политической реальности и как это отражается в научном дискурсе? Эволюция содержания глобальной ценностной повестки на протяжении 2010–2020-х гг. позволяет утверждать, что старые, «большие» довестфальские идентичности (этническая, религиозная, лингвистическая, постимперская), формой реализации которых выступают неоидентитарные миры, являются одним из весомых факторов грядущего политического мироустройства.

Неоидентитарные миры как политический феномен

Картина мира: государство, дискурсы. Усложнение мирополитической картины происходит не только вширь за счет появления и усиления новых акторов (ТНК, субнациональные регионы и др.), но и вглубь – переизобретения старых акторов, особенно это относится к государству. Хотя государственно-центричный взгляд на мир по-прежнему доминирует, само государство «уже не то, что раньше». Государство как краеугольный политический институт сегодня переживает кризис эффективности, притом в своем политическом ядре – евроатлантическом ареале, откуда ранее на весь мир была распространена вестфальская модель мироустройства и модель национального государства как образца, претендующего на универсальность. Проявления этого кризиса многообразны. Верхний, наиболее заметный слой – глобальный правый поворот против леволиберальной повестки, кризис демократии как модели общественно-политического устройства, повсеместное укрепление авторитарических тенденций. Более глубокий слой связан с исчерпанностью не только существующего миропорядка как определенной конфигурации центров силы и правил взаимодействия между ними, но и кризисом самого национального государства как способа политической организации жизни общества (Шишков, 2011). Национальное государство утрачивает свои регулятивные экономические и социальные функции (Семененко, 2020: 15–36). Наблюдается постепенный отход от модели социального государства (государства всеобщего благосостояния/благоденствия) в ряде европейских стран в связи с негативными экзогенными факторами (масштабной нелегальной миграцией, вооруженными конфликтами, евроатлантическими противоречиями и необходимостью наращивания военных расходов)¹. Идея и практика правового государства также встречаются с экзистенциальным вызовом, о чем свидетельствует, например, клинч между исполнительной и судебной властью в Израиле и США. Помимо этого, наиболее острые конфликты современности так или иначе связаны с проблематикой этнической и конфессиональной идентичности, что также бьет по модели вестфальского государства как института, консолидирующего общество на гражданско-индивидуальной основе в строго очерченных границах и выводящего вопросы этнической, лингвистической и конфессиональной принадлежности в частную сферу. При этом не стоит считать, что государство как ключевой политический актор и институт куда-либо исчезнет. Однако теперь государство оказывается частью более сложноустроенной глобальной политики, в которой роль неформального и нематериального возрастает, в том числе в вопросах политической идентичности его граждан. И здесь велика роль дискурсов. Идеи М. Фуко о роли дискурсов в социально-политических процессах (Фуко, 1994) применимы и для неоидентитарных миров, что само по себе вовсе не является аргументом в пользу их искусственности хотя бы потому, что государства создаются и функционируют ровно подобным образом. И хотя сегодня концепцию дискурсивной силы изучают чаще всего применительно к внешней политике КНР, очевидно, что ее потенциал гораздо шире и может быть распространен на неоидентитарные миры.

Идентичности как фундамент для миров. В результате политизации этничности и реполитизации религии по завершении биполярной конфронтации в 1990-е гг. и позже на мировой политической авансцене стали появляться миры² с претензией на специфическую политическую акторность. При этом в качестве социокультурных феноменов эти миры были известны и ранее, например, финно-угорский мир, арабский мир, тюркский мир, лузофония, франкофония и др. Такие миры формируются на основе одной или нескольких идентичностей, одна из которых, как правило, является ведущей:

- этническая – соотнесение себя со своей культурально отличительной от других группой по признаку происхождения;
- лингвистическая – солидаризация на основе владения определенным языком или родственными языками;
- религиозная (конфессиональная) – ощущение принадлежности к общности через сопричастность к одной вере;
- постимперская – транснациональная сопричастность к общности, имеющей исторический опыт пребывания в едином государственном организме вследствие чего имеется актуальное наследие.

¹ Informal EU leaders' retreat, 3 February 2025 [online], *European Council*. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2025/02/03/> (accessed: 15.11.2025).

² В данном случае слово «мир» используется в значениях «вместилище» (пространство, среда), «круг» (партнерство), «сообщество» (общее дело).

Исходя из этого, неоидентитарные миры можно определить, как пространства/сообщества, формирующиеся на основе больших домодерновых политических идентичностей (этнической, конфессиональной, лингвистической), прошедшие политизацию своих социокультурных оснований, слабоинституализированные в формальном отношении, сетевые по характеру внутренней межакторной коммуникации, но имеющие потенциал совокупной политической акторности по отдельным вопросам.

Неоидентитарность, вынесенная в название концепта, проявляет себя следующим образом:

– идентитарная часть, база: «старые», традиционные идентичности – этническая, лингвистическая, религиозная, примыкающая к ним постимперская, являвшиеся основными политическими маркерами до становления Вестфальской политической системы в середине XVII в., в дальнейшем приведшей к появлению национального государства и формированию национальной/государственной/гражданской идентичности в качестве доминантной политической идентичности индивида;

– новая часть (нео): новые транснациональные политические идентичности (общеевропейская, общетюркская, общемусульманская, общекатолическая) как результат политического наполнения имевшихся этнокультурных, религиозных и иных домодерновых идентичностей в глобальном масштабе.

Типология. Неоидентитарные миры делятся на несколько типов:

- 1) этномыры: арабский мир, финно-угорский мир (Артеев, 2020);
- 2) конфессиональные миры: католический мир, мусульманский мир;
- 3) лингвистические: англосфера, немецкоязычный мир (ядро – DACH³);
- 4) постимперские миры: испанидад, франкофония, лузофония (Сигачёв, Артеев, 2022).

Среди указанных типов наибольшее политическое влияние сегодня имеют миры на основе этнической идентичности. Суть этнической идентичности в современной науке сводится к трем пунктам: 1) соотнесение индивидом себя с определенной этнической группой; 2) наличие эмоционального образа «мы»; 3) наличие этнических интересов и соответствующей им деятельности (Дробижева, 2017b: 418). Соответственно, этномир – транснациональное политическое пространство на основе общности по признаку этнической (этнокультурной) идентичности, в котором формируется и функционирует сообщество разнотипных акторов, продвигающих совместную повестку на международном уровне.

Между тем миграция стала одним из ключевых факторов современности, поэтому диаспоры также из культурного и экономического феномена стали транснациональными политическими субъектами повсеместно, что привело к сетевизации диаспор. *Диаспоральный мир (диамир)* – разновидность этномира, транснациональное политическое пространство, основными субъектами которого являются этнические диаспоры, взаимодействующие между собой в сетевом формате (Артеев, 2023). Классификация диаспоральных миров отличается сложностью и многообразием подходов (Прохоренко, 2017). В силу того что миграция превратилась в мегатренд, этномыры и диамыры на практике, как правило, накладываются друг на друга. Например, арабский мир охватывает не только свой многовековой ареал на Ближнем Востоке и в Северной Африке, но и многочисленные диаспоры в Европе, Северной и Южной Америке. В качестве классических примеров диамиров хорошо подходят еврейский мир, армянский мир, ирландский мир, охватывающий Ирландскую Республику, Северную Ирландию и многочисленные диаспоры, особенно в США (Семененко, 2022).

Акторность. К числу субъектов, формирующих неоидентитарные миры как пространство и сообщество и обеспечивающих его функционирование, относятся государства (в тюркском мире это Турция, Казахстан, Узбекистан и т.д.), этнические автономии (особенно это важно для финно-угорского мира, где российские субнациональные регионы составляют акторное ядро), этнические диаспоры через представляющие их структуры (для ирландского диамира такими организациями являются Ирландско-американский совет (The Ireland-U.S. Council, 1962), Ирландский национальный совет (The Irish National Council, 1974)), этноориентированные НКО/НПО (Фонд Матиаса Кастрена, Фонд тюркской культуры и наследия), религиозные институты (Святой Престол для Католического мира), отдельные этноактивисты (часто из интеллектуальных кругов соответствующих этнических групп), представители академического и экспертного сообщества. И именно дискурсы, как и в случае с государством как основным политическим актором, выполняют функцию идентитарной консолидации.

Функции. Неоидентитарные миры насчитывают несколько десятков разнотипных социально-политических пространств/сообществ, при этом в каждом типе тоже наблюдается значительная «политическая амплитуда» (пример: медийная заметность финно-угорского и тюркского миров в 2020-е гг.), что ставит вопрос о специальных инструментах анализа. В качестве аналитического инструмента для неоидентитарных миров может быть применен идентитарный профиль, позволяющий выявить тип,

³ DACH: D – Германия, Deutschland, A – Австрия, лат. Austria, CH – Швейцария, лат. Confoederatio Helvetica.

специфику и политический потенциал при анализе конкретного мира (Артеев, 2020; Сигачёв, Артеев, 2022; Артеев, 2023). Функции неоидентитарных миров сводятся к усилению способности акторов, их составляющих, продвигать свои интересы. Вот несколько примеров:

1) миноритарные группы: возможность сохранить свою этническую и лингвистическую идентичность за счет артикулирования своих проблем на международном и национальном уровнях, получения политического представительства (саамские парламенты);

2) диаспоральные сети: избежать ассимиляции в принимающем обществе, выступать в качестве лоббиста или антагониста материнского государства (еврейская диаспора США, иранские диаспоры на Западе);

3) государства: задача-максимум – сформировать сообщество центр силы, задача-минимум – не стать объектом для центров силы, к тому же такие совместные объединения помогают в поиске своей политической идентичности в быстро меняющемся мире; наиболее выпукло это видно на примере формата «С5»⁴, который образовали центральноазиатские тюркские государства для отстаивания своих интересов и маневрирования между Китаем, США и Россией; менее успешный пример – общеславянские инициативы 1990–2000-х гг.;

4) субнациональные регионы: возможность укрепить свой статус во взаимодействии с центром и парадипломатический вес на международной арене: активность Татарстана на тюркском и мусульманском направлениях, которые не тождественны друг другу полностью.

Неоидентитарные миры в научном дискурсе

Проблема идентичности, изначально поставленная на уровне идеи в военной психологии еще в годы Второй мировой войны Э. Эриксеном (Эриксон, 1996: 8), в политических науках стала активно разрабатываться в 1990-е гг., в России еще позже – в 2000–2010-е гг., при этом как в центральных, так и в региональных научно-образовательных центрах (Панов, 2011; Фадеева, 2016), которые успешно кооперировались между собой (Семененко, 2017), притом политологи в основном сфокусировались на подходе к идентичности как способу групповой самоидентификации. Во многом интерес к теме идентичности был обусловлен исчезновением официальной идеологии после распада Советского Союза и заполнением ценностной сферы жизни российского общества конфессиональными и этническими нарративами, взявшими на себя функцию идейной ориентации для широких слоев общества.

Ключевая особенность изучения феномена неоидентитарных миров связана с его раздробленностью между разными научными дисциплинами и их областями внутри них. Как правило, каждый из неоидентитарных миров изучается сам по себе, без попыток выхода на широкое теоретическое обобщение. Например, тюркский мир находится в фокусе внимания тюркологов, ирландский и еврейский миры изучаются специалистами по диаспорам и иудаике, финно-угорский мир – филологами и историками-финно-угроведами, католический мир – философами-религиоведами. Между собой эти исследователи практически не взаимодействуют, следовательно, выводы ограничиваются соответствующей областью. В итоге неоидентитарные миры превратились в де-факто широко распространенное политическое явление, но неотрафлексированный и не осознаваемый во всей своей целостности криптоконцепт, рассеянный в научном дискурсе. Идентитарный подход как раз способен стать тем преобразователем, который позволит наконец проложить мост между политической эмпирикой и политологическим дискурсом.

В российском сегменте научного дискурса среди неоидентитарных миров наиболее чувствительным выглядит вопрос о транснациональных пространствах и сообществах на основе этнической идентичности. Феномен этномиров обсуждается в научном дискурсе давно, и, если брать период с начала XXI в., то наблюдается эволюция – от жесткой критики и неприятия (Ковалев, Шабаев, 2004) до постепенной нормализации и «легитимации» в научном поле (Тишков, 2025a: 100). В то же время скепсис силен и сейчас, критика (не всегда соответствующая академическим стандартам) включает в себя якобы присущие этномирам идеи сепаратизма, сегрегации, обратной дискриминации, часто сопровождается флером конспирологии.

Концепт неоидентитарных миров, как и любой другой, или опирается, или отчасти восходит, или так или иначе коррелирует с множеством смежных концепций, уже утвердившихся в научном дискурсе. Для «легитимации», определения места нового концепта в научном поле необходимо провести сопоставительный анализ с предварительно отобранными наиболее гносеологически близкими ему

⁴ Туда входит также нетюркский Таджикистан, но он не играет заметной роли в этом неформальном объединении.

теориями/концепциями/концептами. Очень условно концепт неидентитарных миров находится между двумя крупными научными полями – несколькими концепциями из политической теории и теории международных отношений (рисунок).

Теория этничности. К 2020-м гг. в научном дискурсе присутствуют два основных подхода к феномену этничности: примордиалистский и конструктивистский. Примордиалистский подход сводится к восприятию этничности как объективной данности, формализованной, неотчуждаемой и неустраняемой сущности, восходящей к идеям С.М. Широкогорова, Л.Н. Гумилева и в наиболее полном виде изложенной в трудах Ю.В. Бромлея в советский период (Бромлей, 2008). В то же время за рубежом еще во второй половине XX в. стал активно продвигаться конструктивистский подход. В постсоветский период и в России конструктивистский подход к этничности утвердился в качестве доминирующего. Наиболее известные работы по этноконструктивизму принадлежат академику В.А. Тишкову (Тишков, 2003; Тишков, 2025b). В то же время примордиализм по-прежнему присутствует в научном поле (Вахитов, 2023). Также постепенно формируется «средний путь» – гибридизация конструктивизма и примордиализма, предлагаются различные синтетические варианты (Медушевский, 2025: 231–232). Для концепта этномиров синтезный подход к этнической идентичности наиболее приемлем, особенно в случаях, когда дело касается миноритарных этнических групп.

Цивилизационный подход. Новое дыхание сегодня обретает цивилизационный подход, который становится мейнстримным не только в академических кругах (Мчедлова, 2019; Мчедлова, 2023), но и в официальном дискурсе⁵. Идея «государства-цивилизации» выглядит как попытка примирить уходящие вестфальские принципы (прежде всего суверенитет в его классической трактовке, де-факто невозможной на практике в условиях текущего технологического уклада) со все более невестфальскими политическими реалиями. В случае России увлечение идеями «государства-цивилизации» без глубокой проработки может нанести ущерб гражданской идентичности, которая, как отмечают исследователи, имеет свои уязвимости (Дробижева, 2017a). В научном дискурсе рефлексия о соотношении национальной и цивилизационных идентичностей продолжается, при этом постулируется расширение набора актуальных политических идентичностей за счет активного продвижения концепта цивилизационной идентичности для ряда государств (Семененко, 2024).

Паннационализм. Как и цивилизационный подход, национализм – это большое семейство концепций, состоящее из разных подходов к самому концепту национализма, нескольких поколений и направлений. Кроме того, теория национализма чрезвычайно политически нагружена, испытывает давление с разных сторон не только в рамках академического дискурса, но и по мере развития политического процесса на самых разных уровнях (Андерсон, 2016; Малахов, 2010; Гранин, 2022). Неидентитарные миры (в варианте этномиров) семантически наиболее тесно соотносятся с паннациональной идеей как особым направлением теории национализма. Суть паннационализма сводится с объединением в том или ином виде близких этнических групп, как правило, речь идет об одном государстве. Паннационализм представляет собой иерархическую структуру, которая предполагает наличие доминирующей этнической группы. И эта группа (народ, этнос) является движущей силой паннационального проекта, оказывает покровительство родственным малым группам. Например, в славянской паннациональной идее второй половины XIX в. русские мыслились как покровители западных и южных славян, которые должны быть объединены в рамках Российской империи за счет вывода, населенных славянскими народами земель, из-под контроля немцев или турок. Конечная цель паннациональных идей как политического проекта – создание единого государства для всех родственных групп. В паннационализме идеологическая составляющая, как правило, носит конфронтационный характер. Паннациональные проекты обычно подразумевают изменение границ государств.

Концепт этномиров, цивилизационную парадигму и концепцию паннационализма объединяет опора на неформализованные социокультурные основания (идентичности) – язык, религию, традиции. Также общим между паннационализмом и концептом этномиров являются транснациональность (взаимодействие поверх государственных границ) и восприятие этничности как политического ресурса. В то же время концепт этномира подразумевает сосуществование с государством, а не его трансформацию, как это вытекает из цивилизационного и паннационального подходов. Концепт неидентитарных миров не предполагает перекаройку политической карты, действует по принципу не «вместо», а «вместе». Этническая и панэтническая идентичности не противопоставляются национальной (пале-

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс], *МИД РФ*. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.11.2025).

стинцы – арабы, но не все арабы – палестинцы, при этом двойная политическая идентичность – египтянин и араб – давно стала нормой и в традиционном арабском ареале, и в арабских диаспорах на Западе), но сосуществуют параллельно.

Теории международных отношений. Неидентитарные миры функционируют в международной среде, что делает необходимым обратиться к теории международных отношений. Реализм/неореализм и марксизм/неомарксизм в меньшей степени соотносятся с концептом неидентитарных миров в силу своей ориентации на жесткую силу (реализм, марксизм) и классовый подход (марксизм). В этих парадигмах государство также занимает центральное место, хотя оценки этого института расходятся. Если для реализма государство это главный или вовсе единственный международный субъект, то для марксизма государство – инструмент угнетения и классового господства. **Конструктивизм**, последняя на сегодняшний день из больших парадигм теории международных отношений по времени своего появления, оформился в 1980-е гг. и нашел широкое применение уже после окончания биполярной конфронтации. И конструктивизм, и неидентитарные миры уделяют значимое внимание идентичности и проблеме конструирования, дискурсам.

Регионализм – это теория и практика формирования региона как единого территориального политико-экономического комплекса. В основе теории регионализма находится идея интеграции в рамках определенного территориального пространства. При этом особая роль в классических теориях регионализма отводится экономике. Однако, как и в случае с национализмом, наиболее близким к этномирам является особое направление регионализма – международный **трансрегионализм**, который сам по себе неоднороден, и дискуссии ведутся о ключевых терминах (Кузнецов, 2022). В общем виде трансрегионализм предполагает наличие региона без единой непрерывной территории. Трансрегионализм и неидентитарные миры сближают транснациональность и отказ от идеи территориального единства политического пространства/сообщества как условия существования, неиерархичный (сетевой) принцип организации деятельности, необязательность формальной институализации в ряде вариантов, идея асимметричного взаимодействия. В то же время в качестве первичного субъекта международного трансрегионализма выступает государство, что совсем необязательно для неидентитарных миров.

Между тем либерализм как парадигма в 1970-е гг. в рамках неолиберализма на фоне развернувшихся на Западе процессов глобализации пополнился концепцией **транснационализма**, авторами которой выступили Дж. Най и Р. Кохэйн (Keohane, Nye (eds.), 1972). Суть транснационализма сводится к нескольким положениям: 1) роль государства как актора в международных отношениях ослабевает, соответственно, государственно-центричная картина мира устарела; 2) мировая политика – разветвленная многослойная паутина связей разнотипных акторов; 3) значение принципа территориальности для акторов в современном мире снижается. Концепт неидентитарных миров резонирует с концепцией транснационализма многообразно и широко. В обоих случаях государственно-центричная политическая картина мира признается устаревшей, при этом речь не идет об «отмене» государства и не прогнозируется его «закат», но обращается внимание на многослойность мировой политики, необходимости комплексного подхода вместо государственно-центричной одномерности.

Концепция глобального гражданского общества примыкает к транснационализму, имеет схожее идейное ядро. Глобальное гражданское общество – всемирная сеть из десятков тысяч неправительственных и некоммерческих организаций (НПО, НКО) в самых разных сферах: антиядерный активизм, экология, права человека, права женщин (Холодковский, 2019: 11). Некоторые из них появились давно, но только в конце XX в., образовав прочные сети, стали глобальным феноменом (Холодковский, 2019), который демонстрирует устойчивость и на фоне антимегатренда деглобализации середины 2020-х гг. Концепт неидентитарных миров и концепция глобального гражданского общества пересекаются в нескольких точках: роль негосударственных акторов в сохранении этнической идентичности и преодолении нарастающих этнокультурных разделений, компенсация «государственной недостаточности» (бюрократическая медлительность, отсутствие понимания со стороны элитных групп) в этих вопросах, манифестация этнической, лингвистической и конфессиональной идентичностей на глобальном уровне в качестве самостоятельного измерения мировой политики.

Таким образом, концепт неидентитарных миров имеет трансдисциплинарную природу, находится между собственно политической теорией и теорией международных отношений и смежными социогуманитарными науками.

Рис. Концепт неоидентитарных миров в научном дискурсе

Заключение

Неоидентитарные миры как конструктивистские, дискурсивно-ориентированные субъекты не стремятся соперничать с государством в качестве по-прежнему ключевого политического актора, но создают еще один политический слой с социокультурным ядром в политической оболочке. Эффективность неоидентитарных миров как политических сущностей в меньшей степени зависит от формальной институализации. Неоидентитарные миры – это мягкая интеграция, которая ориентирована на формирование и развитие идентичностей как основания политического, в отличие от традиционной интеграции, где начальные этапы опираются прежде всего на экономику. Кроме этого, неоидентитарные миры в меньшей мере ориентированы на материальные факторы, но при этом артикулируют этническую, конфессиональную и лингвистическую идентичности в качестве позитивного нематериального ресурса развития.

Обобщая анализ подходов, концепций и теорий, так или иначе сопряженных с концептом неоидентитарных миров, важно отметить несколько моментов. Ключевое отличие концепта неоидентитарных миров в его отходе от этатистской политической парадигмы при отсутствии антагонизма к государству как политическому институту и актору. Концепт предполагает отказ от взгляда на мир сквозь призму государства как центра политической вселенной, но при этом не ставит под сомнение значимость государственных акторов. Это также укладывается в тенденцию отхода от европоцентризма как политического идеала, ведь анализ любых форм государства – от империи до национального государства – опирается на теории, сформированные преимущественно на западном эмпирическом материале. Это не снижает их научную ценность, но обращает внимание на их куда меньшую универсальность, чем было принято полагать до недавних пор. Действительно, большую часть истории большая часть человечества жила без государства. Государство – продукт усложнения структуры общества. Однако теперь мир вышел на новый уровень сложности. И вполне вероятно, что наиболее успешными станут те государства, которые сумеют делегировать некоторые свои функции другим акторам наиболее оптимальным и экологичным образом.

Также следует отметить, что в политико-практическом отношении феномен неоидентитарных миров является проявлением нескольких мирополитических трендов:

- сегодня в мире, в отличие от XX в., образовался вакуум больших идей, что вынуждает политику во все большей мере вращаться вокруг довестфальского историко-политического наследия, в том числе переосмысливая и политически переизобретая в текущих реалиях «старые» идентичности;
- политизация охватывает все новые и новые явления и процессы социального;

– нематериальные ресурсы, к которым относятся и традиционные идентичности, получившие новое политическое звучание, усиливают свое значение в политических процессах; старые вестфальские факторы – военно-политическая сила и экономическая мощь – теряют в своей ценности без идентитарного аспекта;

– неформальное, слабоинституализированное играет все большую роль в политике, в то время как жесткие современные форматы (альянсы, блоки, пакты) становятся все менее эффективными;

– сетевое взаимодействие становится все более важным способом политической коллаборации, в то время как иерархические структуры все чаще демонстрируют неспособность справиться со своими задачами;

– территориальность в политических процессах снижает свое значение.

Таким образом, анализ политической трансформации на глобальном и иных уровнях не может замыкаться только на государственных акторах, игнорируя иные переменные. Политическая реальность усложняется, становится все более многомерной и многослойной, что стимулирует появление новых концептов для более продуктивного осмысления настоящего и более эффективного прогнозирования контуров политического будущего. Идентитарный подход содержит в этом отношении большой задел, а концепт неидентитарных миров обладает полезным объяснительным потенциалом.

Список литературы / References

- Андерсон, Б. (2016) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Кучково поле, 416 с. [Anderson, B. (2016). *Imagined Communities. Reflection on the Orgign and Spread of Nationalism* [Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma]. Moscow: Kuchkovo pole, 416 p. (In Russ.)].
- Артеев, С. П. (2020) 'Транснациональные политические пространства: вопросы политической субъектности. Финно-угорский мир', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 5–17. [Arteev, S. P. (2020) 'Transnational Political Spaces: the Problem of Political Agency. The Finno-Ugric World' [Transnacional'nye politicheskie prostranstva: voprosy politicheskoy sub"ektnosti. Finno-ugorskij mir], *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya*, 1, pp. 5–17. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-5-17.
- Артеев, С. П. (2023) 'Этнокультурные и диаспоральные миры', в: Семенов, И. С. (ред.) *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва: Весь Мир, сс. 154–164. [Arteev, S. P. (2023) 'Ethnocultural and Diasporic Worlds'. [Etnokul'turnye i diasporal'nye miry], in: Semenenko, I. S. (ed.) *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. [Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya]. Moscow: Ves' Mir, pp. 154–164. (In Russ.)].
- Бромлей, Ю. В. (2008) *Очерки теории этноса*. Москва: Издательство ЛКИ, 436 с. [Bromlej, Yu. V. (2008). *Essays on the Theory of Ethnicity* [Ocherki teorii etnosa]. Moscow: LKI, 436 p. (In Russ.)].
- Вахитов, Р. Р. (2023) 'Реальность этничности. Критика философских оснований этноконструктивизма', *Вопросы социальной теории*, 1, сс. 35–50. [Vahitov, R. R. (2023) 'The Reality of Ethnicity. Critique of the Philosophical Foundations of Ethnoconstructivism. Real'nost' etnichnosti. Kritika filosofskih osnovanij etnokonstruktivizma', *Voprosy social'noj teorii*, 1, pp. 35–50. (In Russ.)]. DOI: 10.30936/2227_7951_2023_15_35_50.
- Гранин, Ю. Д. (2022) *Нации и национализм. Теории и история*. Москва: Директ-Медиа, 368 с. [Granin, Yu. D. (2022). *Nations and nationalism. Theories and history* [Nacii i nacionalizm. Teorii i istoriya]. Moscow: Direkt-Media, 368 p. (In Russ.)].
- Дробижева, Л. А. (2017a) 'Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма', *Мир России. Социология. Этнология*, 1, сс. 7–31. [Drobizheva, L. A. (2017a) 'Civic Identity as a Condition for Weakening Ethnic Negativism' [Grazhdanskaya identichnost' kak uslovie oslableniya etnicheskogo negativizma], *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 1, pp. 7–31. (In Russ.)].
- Дробижева, Л. М. (2017b) 'Этническая идентичность', в: Семенов, И. С. (ред.) *Идентичность: личность, общество, политика*. Москва: Весь Мир, сс. 417–422. [Drobizheva, L. M. (2017b) Ethnic

- Identity [Etnicheskaya identichnost], in: Semenenko, I. S. (ed.) *Identity: the Individual, Society, and Politics* [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika]. Moscow: Ves' Mir, pp. 417–422. (In Russ.).
- Ковалев, В. А., Шабаев, Ю. П. (2004) 'Этничность и согражданство (национальные движения в финно-угорских регионах РФ)', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 126–138. [Kovalev, V. A., Shabaev, Yu. P. (2004) 'Ethnicity and Co-citizenship (National Movements in Finno-Ugric Regions of the Russian Federation)' [Etnichnost' i sograzhdanstvo (Nacional'nye dvizheniya v finno-ugorskih regionah RF)], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 126–138. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2004.04.10.
- Кузнецов, Д. А. (2022) *Теория и практика международного трансрегионализма*. Москва: Аспект Пресс, 160 с. [Kuznetsov, D. A. (2022) *Theory and Practice of International Transregionalism* [Teoriya i praktika mezhdunarodnogo transregionalizma]. Moscow: Aspekt Press, 160 p. (In Russ.)].
- Малахов, В. С. (2010) *Национализм как политическая идеология*. Москва: Университет, 316 с. [Malahov, V. S. (2010). *Nationalism as a political ideology* [Nacionalizm kak politicheskaya ideologiya]. Moscow: Universitetb 316 p. (In Russ.)].
- Медушевский, Н. А. (2025) 'На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятия «этнос»', *Власть*, 1, сс. 228–233. [Medushevskij, N. A. (2025) 'Between Primordialism and Constructivism: Understanding the Concept of Ethnos' [Na styke primordializma i konstruktivizma: osmyslivaya ponyatiya «ethnos»], *Vlast'*, 1, pp. 228–233. (In Russ.)].
- Мчедлова, М. М. (2019) 'Цивилизационная парадигма в изучении политики', в: Гаман-Голутвина, О. В., Никитин, А. И. (ред.) *Современная политическая наука: Методология*. Москва: Аспект Пресс, сс. 12–37. [Mchedlova, M. M. (2019) 'Civilisational Paradigm in the Study of Politics' [Civilizacionnaya paradigma v izuchenii politiki], in: Gaman-Golutvina, O. V., Nikitin, A. I. (eds.) *Contemporary Political Science. Methodology* [Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya]. Moscow: Aspekt Press, pp. 12–37. (In Russ.)].
- Мчедлова, М. М. (2023) 'Цивилизационные нарративы в политическом дискурсе: ценности и смыслы', в: Семененко, И. С. (ред.) *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва: Весь Мир, сс. 165–174. [Mchedlova, M. M. (2023) 'Civilizational Narratives in Political Discourse: Values and Meanings' [Civilizacionnyye narrativy v politicheskom diskurse: cennosti i smysly], in: Semenenko, I. S. (ed.) *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field* [Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Noveye kontury issledovatel'skogo polya]. Moscow: Ves' Mir, pp. 165–174. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2011) *Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка*. Москва: РОССПЭН, 229 с. [Panov, P. V. (2011) *Institutions, Identities, and Practices: A Theoretical Model of Political Order* [Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poryadka]. Moscow: ROSSPEN, 229 p. (In Russ.)].
- Прохоренко, И. Л. (2017) 'Диаспоры и диаспоральные «миры»', в: Семененко, И. С. (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика*. Москва: Весь Мир, сс. 432–440. [Prohorenko, I. L. (2017) 'Diaspory i diasporal'nye «miry»', in: Semenenko, I. S. (ed.) *Identity: the Individual, Society, and Politics* [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika]. Moscow: Ves' Mir, pp. 432–440. (In Russ.)].
- Семененко, И. С. (2022) 'Национальная политика развития перед лицом глобальных вызовов: ирландский «маятник»', *Мировая экономика и международные отношения*, 7, сс. 81–93. [Semenenko, I. S. (2022) 'National Development Policies in the Face of Global Challenges: the Irish «Pendulum»' [Nacional'naya politika razvitiya pered licom global'nyh vyzovov: irlandskij «mayatnik»], *World Economy and International Relations*, 7, pp. 81–93. (In Russ.)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-7-81-93.
- Семененко, И. С. (2024) 'Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты', *Государственное управление. Электронный вестник*, 104, сс. 79–86. [Semenenko, I. S. (2024) 'Civilisational Identity on the

- Identity Politics Agenda: The Changing World Order and Russian Priorities' [Civilizacionnaya identichnost' v povestke politiki identichnosti: menyayushchisya miroporiyadok i rossijskie priority], *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, 104, pp. 79–86. (In Russ.).
- Семенов, И. С. (ред.) (2023) *Государство в политической науке и социальной реальности XXI века*. Москва: Весь Мир, 384 с. [Semenenko, I. S. (ed.) *The State in Political Science: Transformations in a Twenty-First Century Social Context* (2020) [Gosudarstvo v politicheskoy nauke i social'noj real'nosti XXI veka]. Moscow: Ves' Mir, 384 p. (In Russ.).]
- Семенов, И. С. (ред.) (2017) *Идентичность: Личность, общество, политика*. Москва: Весь Мир, 992 с. [Semenenko, I. S. (ed.) (2017) *Identity: the Individual, Society, and Politics* [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika]. Moscow: Ves' Mir, 992 p. (In Russ.).]
- Сигачев, М. И., Артеев, С. П. (2022) 'Португальский мир как транснациональное пространство: политическое измерение', *Южно-российский журнал социальных наук*, сс. 37–51. [Sigachev, M. I., Arteev, S. P. (2022) 'The Portuguese World as a Transnational Space: the Political Dimension' [Portugal'skij mir kak transnacional'noe prostranstvo: politicheskoe izmerenie], *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*, 2, pp. 37–51. (In Russ.). DOI: 10.31429/26190567-23-2-37-51.
- Тишков, В. А. (2003) *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. Москва: Наука, 542 с. [Tishkov, V. A. (2003) *Requiem for Ethnicity: Studies in Socio-Cultural Anthropology* [Rekvie po etnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii]. Moscow: Nauka, 542 p. (In Russ.).]
- Тишков, В. А. (2025a) 'Идентичность – ресурс общественного развития. К выходу в свет энциклопедического издания «Идентичность: личность, общество, политика»', *Вестник Российской академии наук*, 2, сс. 94–103. [Tishkov, V. A. (2025) 'Identity – a Resource for Social Development. For the Publication of the Encyclopaedic Edition «Identity: Personality, Society, Politics»' [Identichnost' – resurs obshchestvennogo razvitiya. K vyhodu v svet enciklopedicheskogo izdaniya «Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika], *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2, pp. 94–103. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869587325020106.
- Тишков, В. А. (2025b) *Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик*. Москва: Наука, 275 с. [Tishkov, V. A. (2025) *Essays on the Theory of Ethnicity: A Revision of Categories and Practices* [Ocherki teorii etnichnosti: Reviziya kategorij i praktik]. Moscow: Nauka, 275 p. (In Russ.).]
- Фадеева, Л. А. (2012) *Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность*. Москва: Новый хронограф. [Fadeeva, L. A. (2012) *Who are we? The Intelligentsia in the Struggle for Identity* [Kto my? Intelligenciya v bor'be za identichnost']. Moscow: Novyj hronograf (In Russ.).]
- Фуко, М. (1994) *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: Acad, 405 с. [Foucault, M. (1994) *Les Mots et les Choses. Une Archéologie des Sciences Humaines* [Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnyh nauk]. Saint Petersburg: A-cad, 405 p. (In Russ.).]
- Холодковский, К. Г. (2019) 'Глобализация vs национальное государство – попятное движение?', *Мировая экономика и международные отношения*, 12, сс. 5–14. [Holodkovskij, K. G. (2019) Globalization vs. Nation State: the Retrogradation? [Globalizaciya vs nacional'noe gosudarstvo – popyatnoe dvizhenie?], *World Economy and International Relations*, 12, pp. 5–14. (In Russ.).]
- Шишков, Ю. В. (2011) *Национальное государство: становление, развитие, закат. Что дальше?* Москва: ИМЭМО РАН, 67 с. [Shishkov, Yu. V. (2011). *The Nation-state: Formation, Development, Sunset. What's Next?* [Nacional'noe gosudarstvo: stanovlenie, razvitie, zakat. Chto dal'she?] Moscow: IMEMO RAS, 67 p. (In Russ.).]
- Эрикссон, Э. (1996) *Идентичность: юность и кризис*. Москва: Прогресс, 340 с. [Erikson, E. (1996) *Identity, Youth, and Crisis* [Identichnost': yunost' i krizis]. Moscow: Progress, 340 p. (In Russ.).]
- Keohane, R., Nye, J. (eds.) (1972) *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 428 p.

Статья поступила в редакцию: 28.11.2025

Статья принята к печати: 15.01.2026

**"NEO-IDENTITARIAN WORLDS" AS A POLITICAL PHENOMENON AND A CONCEPT:
THE DISCOURSE AND PRACTICE**

S. Arteev

Sergey Arteev, Candidate of Sciences (In Politics), Research Fellow,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: artsp7@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-4335-2850; Research ID: E-9387-2016).

Abstract

The transformation of the political world order has become commonplace in political science research. However, most studies focus on political leadership and traditional military, political, and economic categories for assessing the power and prospects of the world's political evolution. In contrast, the increasing importance of ethnic, religious, linguistic, and post-imperial identities has transformed them into a distinct political factor. The author introduces and explores the concept of "neo-identitarian worlds." The purpose of this article is to conceptualize the "neo-identitarian world" as a space and community with a dominant role for "old" "big identities" that have acquired political significance in the current reality. To achieve this, the article provides a typology and situates neo-identitarian worlds among other international actors. The study is based primarily on an identity-based approach and a comparative method. Conceptualization is achieved through a comparative analysis of concepts and theories presented in academic discourse, ranging from pan-nationalism and the civilizational approach to international relations theory. As a result, the place of the concept of the "neo-identitarian world" in modern political studies is determined, its ontological and epistemological potential is outlined, its functions in political processes at different levels are identified, and its role in the broader political context is defined.

Keywords: political world order; political development; evolution; neo-identitarian world; ethnic world; identity.